

Лаврентьев Максим Владимирович

канд. юрид. наук, преподаватель

ЧПОУ «Московский городской открытый колледж»

г. Москва

**САРАТОВСКИЙ ГАЛКИНСКИЙ УЧЕБНО-ИСПРАВИТЕЛЬНЫЙ
ПРИЮТ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ В 1875–76 гг.**

Аннотация: статья посвящена деятельности Саратовского Галкинского учебно-исправительного приюта для несовершеннолетних правонарушителей в 1875–76 гг. Сообщаются данные о руководстве приюта, его персонале, составе воспитанников и воспитанниц, ремесленном производстве, об исправлении несовершеннолетних правонарушителей.

Ключевые слова: Российская империя, XIX век, Саратов, Саратовский Галкинский учебно-исправительный приют для несовершеннолетних правонарушителей, Галкин-Враской, воспитательно-исправительные заведения.

20 сентября 1873 г. в Саратове был открыт учебно-исправительный приют для детей обоего пола, на средства, частью пожертвованные, частью собранные тогдашним саратовским губернатором, «а ныне членом государственного совета, М.Н. Галкиным-Враским. С 12 ноября 1891 г., приют стал называться «галкинским» в честь своего основателя» [1, с. 225].

М.Н. Галкин-Враской – основатель и в течение ряда лет, с 1879 по 1896 г., руководитель Главного Тюремного управления Российской империи. До назначения на эту должность, с 1871 по 1878 г. Галкин-Враской был саратовским губернатором.

В 1875–76 годах Саратовский учебно-исправительный приют, как и в прежние годы, находился в ведении местного попечительного о тюрьмах комитета и в ближайшем заведении правления, состоявшего из шести выборных членов: «двух от попечительного о тюрьмах комитета: Н.В. Гаврилова и Г.К. Деканского, вместо

выбывшего члена А.Е. Петропавловского: двух от саратовского братства Св. Креста: М.А. Попова и А.Я. Шабловского; одного члена от Саратовского губернского земства: В.А. Федоровского и одного члена от города Саратова: И.К. Мышенкова, избранного вместо выбывшего члена Н.И. Гусева» [2, с. 1].

Председателем правления был избран Н.В. Гаврилов, казначеем И.К. Мышенков, секретарем В.А. Федоровский, а непосредственное управление приютом было возложено на смотрителя – А.В. Прянишников (иногда пишут А.В. Пряничников).

Наличный состав служащих в приюте остался почти тот же, что и в предыдущем году: «он состоял из смотрителя, законоучителя, воспитателя мужского отделения, воспитательницы женского отделения, садовника, сапожного мастера, двух дядек, дворника, кухарки и прачки. Таким образом, он увеличился против предыдущего одним сапожным мастером (с мая 1876 года). Расход на жалованье увеличился: 1)законоучителю, получившему жалованье в течение всего отчетного года, тогда как в предыдущем году законоучителю, приглашенному с начала 1875 года, жалованье выдано было только за девять месяцев: 2)жалованье воспитателю увеличено на 20 рублей в год; наконец, 3)жалованье сапожному мастеру выдано было за 5 месяцев, тогда как в предыдущем году расхода этого во все не было» [2, с. 4–5].

К 1 сентября 1875 г. оставалось в приюте: «воспитанников – 20, воспитанниц – 3. В течение года вновь поступили: воспитанников – 24, воспитанниц – 2. В течение всего года было: воспитанников – 44, воспитанниц – 5. Выбыло – воспитанников – 28, воспитанниц – 1. К 30 сентября 1876 г. осталось: воспитанников – 16, воспитанниц – 4» [2, с. 6].

Воспитанники и воспитанницы, поступившие в приют в 1875- 76 гг. все без исключения были православного вероисповедания.

По сословиям они распределялись так: «мещан – 13, крестьян – 9, солдатских детей – 4. По возрастам: 6 лет – 1, 13 лет – 3, 14 лет – 10, 15 лет – 4, 16 лет – 8» [2, с. 14].

Интересно перечисление проступков воспитанников и воспитанниц за год: «ссоры – 215, драки – 191, покушение нанести удар тяжелым орудием – 25, упрямство – 18, употребление площадной брани и других неблагопристойностей – 272, грубость и дерзость – 96, клевета на других – 11, ослушание – 84, жестокое обращение с животными – 7, нарушение установленных правил – 277, неуважение старших – 52, присвоение чужой собственности – 33, уничтожение вещей, орудий и инструментов – 17, уклонение от работ – 28, небрежное исполнение работ и других поручений – 112. Итого – 1438» [2, с. 19].

Будничный день воспитанников и воспитанниц распределялся таким образом: «по утру вставали в 5 часов, – и в течении шестого часа одевались, умывались, убрали комнаты, приводили в порядок свои вещи; в 6 часов – утренняя молитва, после которой начинался класс и продолжался до 9; от 9 до 10 – завтрак и чай; в 10 часов начинались работы: весной, летом и осенью – сельскохозяйственные; зимой – ремесленные. Когда полевых работ скоплялось много, уроки оканчивались в 8 часов, и в таком случае на работу выходили в 9 часов. После 3-х часовой работы, следовательно, в 12 часов и в 1 час – звонок собирал работающих к обеду; на обед и на необходимый отдых употреблялось два часа – и затем опять работы до полдника, который бывал в 5 часов и на который уделялось полчаса времени; после – опять работы до ужина, в летнее время в 9 часов, в зимнее в 8 часов. С сентября и до начала полевых работ весною, полдник отменялся. После ужина и общей молитвы, дети тотчас ложились спать. Классные занятия, завтрак, обед, полдник и ужин начинались и оканчивались соответствующими молитвами, которые дети пели совместно хором, под руководством воспитателя. Воскресные дни располагались иначе. В эти дни детям позволялось вставать позже обыкновенного; завтрака не было; но после уборки комнат и приведения в порядок вещей, пили чай; после этого воспитанники могли заниматься, чем кто хочет; но большей части принимались за приготовление и повторение уроков по закону божию. В 11 часов приезжал из Саратова священник и служил часы или всенощную, при чем всю службу воспитанники вели сами, все без исключения, на 4 голоса, напевом, обыкновенно принятым при богослужении. После того,

священник объяснял евангелие, которое читалось в этот день и потом давал урок закона божия; после урока занимались духовным пением, под руководством священника. По окончании этих занятий назначался обед, а после обеда воспитанников остальное время отдавалось в их распоряжение, и они употребляли его по их усмотрению; одни играли, другие просто смотрели на играющих; некоторые занимались чтением. К вечеру часто устраивались общие игры и хоровое пение, под руководством воспитателя. В обычное время – ужин, общая вечерняя молитва и сон» [2, с. 21–22].

Особую роль играл физический труд: «физический труд воспитанников и воспитанниц приюта имел целью с одной стороны – научить их какому-либо полезному делу, с другой – возбудить в них охоту к труду, развить дух трудолюбия; наконец – научить их производительно, разумно и честно употреблять свои силы, свои способности и свое время. Но всякий труд ценится и уважается по результатам его, по той полезности, которую доставляет он; труд бесполезный способен возбуждать к себе только отвращение. Поэтому, предлагая детям тот или другой труд, необходимо иметь в виду это положение и труд их направлять таким образом, чтобы полезные результаты его были возможно более ощутительными для трудящихся детей. Это общее положение в значительной степени усиливается по отношению к воспитанникам и воспитанницам исправительного приюта, большая часть которых в начале к труду относятся с полнейшей неохотой, часто просто с отвращением. Поэтому для этих детей результаты их труда должны быть еще осязательнее, так как еще прежде развития охоты к труду нужно победить в них отвращение к нему. Только такое положение, такая постановка труду и может считаться правильной, и только в таком случае и можно рассчитывать на достижение тех целей, с которым воспитанникам и воспитанницам приюта предлагался физический труд. Это положение постоянно и было в виду и ставилось всегда на первый план. Воспитанникам и воспитанницам перед каждой почти работой старались по возможности выяснить необходимость и пользу ее. Принятое прежде правило – во всех нуждах своих обходиться по воз-

возможности собственными силами и средствами и к посторонней помощи прибегать только в случаях крайней необходимости, в течение отчетного года преследовалось еще более настойчиво, чем прежде. Занятия земледелием, садоводством и огородничеством с самого начала признаны были наиболее соответствующими тем целям, которые должны были достигаться физическим трудом детей, а потому на эту отрасль труда и уделялось больше времени и забот, нежели на ремесла, которыми воспитанники занимались только в течение зимнего времени» [2, с. 27–28].

Имелись в приюте и ремесленные занятия: «ремесленные занятия воспитанников, для того, чтобы они могли приносить им действительную пользу, прежде всего должны иметь характер серьезный; для того, чтобы дети занимались ремеслом с достаточными прилежанием и успехом, необходимо, чтобы результаты этих занятий были ощутительно полезны для самих воспитанников; полезность же эта должна выражаться преимущественно тем, чтобы воспитанники могли выучиться более или менее основательно тому или другому ремеслу; но вследствие краткости сроков пребывания в приюте большинства воспитанников – ведение ремесел представляло прямо неодолимые трудности: не только в 3–6 месяцев, но даже и в год нельзя основательно выучить мальчика никакому ремеслу; для этого необходимо иметь по меньшей мере два года, тем более, что дети, поступающие в приют и за ремесло, как и за всякое другое дело, постоянно принимаются далеко не с охотой, особенно в первое время. Но, кроме этого, для достижения каких-либо успехов в деле обучения детей ремеслам необходимо иметь правильно устроенные мастерские, необходимо иметь знающих мастеров, необходимо иметь постоянно работу, как материал для обучения. Но какую же работу могли бы производить мастерские приюта, когда они могли состоять постоянно из начинающих учеников? Мастер, заведующий мастерской, должен заниматься преимущественно обучением воспитанников, и работать ему самому остается времени чрезвычайно мало. Наконец и самый труд мастера по обучению детей ремеслу становится весьма тягостным, потому что с воспитанниками приюта, особенно с новичками, ладить чрезвычайно трудно: ведь это по большей части дети, отбившиеся от

рук во всех мастерских; затем мастер не может не сознавать, что все труды его по обучению воспитанников должны по большей части пропасть даром, так как в течение нескольких месяцев мальчик может научиться весьма немногому; и это немногое, по выходе из приюта воспитанника, может у него остаться только в таком случае, если он будет продолжать заниматься тем же ремеслом. Наконец, при подобных условиях и со стороны администрации приюта нет достаточных оснований нанимать особых мастеров для обучения воспитанников ремеслам: пришлось бы платить мастерам жалованье, содержать их – и эти расходы далеко не уравновешивались бы доставляемыми ими выгодами. Совершенно другое дело, когда воспитанники оставались в приюте такое время, которое было бы достаточно для обучения каждого из них тому или другому ремеслу; тогда мастерские могли бы иметь учеников на всех степенях их ремесленного обучения; тогда дети, сознавая, что они имеют достаточно времени, чтобы выучиться ремеслу, имели бы более охоты учиться; с другой стороны, и мастер при этом сознании мог бы вести дело обучения с большей энергией. Тогда можно было бы производить в мастерских всякого рода работы, иметь заказы и исполнять их – и доходы их могли не только покрыть все расходы по содержанию мастерских и мастеров, но и быть достаточными, чтобы оказывать материальную помощь выходящим воспитанникам; наконец эти доходы от мастерских могли бы увеличивать собою и общую сумму поступлений на содержание самого приюта. Действительное же положение приюта, созданное краткостью пребывания в нем большинства воспитанников, так видно из вышеизложенного, далеко не таково. Но тем не менее в отчетном году, преимущественно зимой 1875–76 годов, обучение воспитанников ремеслам существовало; как и прежде практиковались ремесла: сапожное, переплетное и токарное» [2, с. 34–35].

На физическое здоровье воспитанников также обращалось большое внимание: «Физическое здоровье воспитанников и воспитанниц в течении отчетного года находилось в удовлетворительном состоянии; случаев серьезного заболевания совсем не было, за исключением тех, когда воспитанники появлялись в приют или уже больными, или сильно предрасположенными к заболеванию,

именно, – было несколько детей (три человека), у которых делались болезненные проявления золотухи. Остальные затем случаи не выходят из ряда легких простуд, ушибов, порезов, поранений острыми инструментами, что обыкновенно легко и скоро излечивалось обыкновенными домашними средствами. Указанные выше трое золотушных были отправлены на излечение в больницу саратовского тюремного замка, где и были вылечены. Но эти случаи были и последними; влияние арестантов, с которыми в больнице приходилось детям сталкиваться, отозвалось таким вредом, что продолжать этот способ лечения оказалось прямо невозможным и потому правлением приюта было постановлено – заболевающих серьезно воспитанников и воспитанниц отправлять на излечение в саратовскую александровскую больницу. Что же касается случаев, в которых отправление в больницу не представляется необходимым, то саратовский уездный врач господин Каменский обязательно предложить приюту безвозмездно свою медицинскую помощь – и для исследования больных и подаяния медицинских советов приезжал в приют» [2, с. 41].

Данную работу можно завершить словами известного исследователя жизни несовершеннолетних правонарушителей в воспитательно-исправительных заведения Российской империи Д.Г. Тальберга. По его мнению, «Саратовский приют представляет весьма счастливое сочетание целого ряда благоприятных условий; в лице инициатора М.Н. Галкина-Враского, бывшего Саратовского губернатора, приют в течение 6–7 лет имел деятельного, опытного и специально подготовленного к делу руководителя, который создав исправительное учреждение, не переставал заботиться о нем за все время своей служебной деятельности в Саратове...» [3, с. 249].

Список литературы

1. Диомидов И.М. Саратовский галкинский учебно-исправительный приют / И.М. Диомидов // Журнал министерства юстиции. – 1916. – №3.
2. Отчет по саратовскому учебно-исправительному приюту за 1875–76 год. Год 3-й. – Саратов: Типография саратовского губернского правления, 1877.

3. Тальберг Д.Г. Исправительные колонии и приюты в России / Д.Г. Тальберг // Журнал Министерства народного просвещения. – 1882. – Январь.